

РАЗГРОМ «АНТИЧНОГО КРУЖКА» В ЛЕНИНГРАДЕ (по материалам следственных дел архива ФСБ)

А. М. Скворцов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
artyom-skvorcov@yandex.ru

Аннотация. Автор исследует репрессии конца 1930-х годов в отношении ленинградских антиковедов — членов античного кружка при кафедре истории Древней Греции и Рима ЛГУ (С. И. Ковалева, Г. А. Стратановского, И. Д. Амусина, М. Н. Ботвинника, Л. Л. Ракова и др.), обвиненных в участии в контрреволюционной меньшевистской организации. Впервые вводятся в научный оборот материалы следствия из архива ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, на основе которых восстанавливается ход дела, круг арестованных, поводы и причины задержания историков, выявляются некоторые особенности взаимоотношений в научной корпорации.

Ключевые слова: античный кружок, ЛГУ, НКВД, репрессии, антиковедение, советская историография, И. Д. Амусин, М. Н. Ботвинник, С. И. Ковалев, Г. А. Стратановский

THE RUIN OF THE ANTIQUITY CIRCLE IN LENINGRAD (Based on the investigations' data from Federal Security Service records)

Artem M. Skvortsov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
artyom-skvorcov@yandex.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Humanities, No. 16-33-01035

Abstract. The article deals with the study of repressions of the late 1930s aimed at some Leningrad researchers of antiquity. I. D. Amusin, M. N. Botvinnik, S. I. Kovalyov, G. A. Stratanovsky, L. L. Rakov and others were accused of affiliation with a counter-revolutionary Menshevist organization. They all belonged to “the Antiquity circle” at the department of the History of

Данные об авторе. Артем Михайлович Скворцов — кандидат исторических наук, доцент Челябинского государственного университета.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-33-01035). Первоначальный вариант статьи был обсужден на семинаре «Античность в современности» в Институте всеобщей истории РАН 28 марта 2016 г. Выражаю благодарность участникам обсуждения.

Ancient Greece and Rome at Leningrad State University. Investigation data from the Federal Security Service record concerning St. Petersburg and Leningrad region have been brought under scholarly analysis for the first time. They enable the author to establish the course of investigation, number and identity of the arrested individuals, reasons and grounds for the arrests of the historians, as well as to observe some details concerning the relationship within the scholarly corporation.

Keywords: Antiquity circle, Leningrad State University, NKVD, repressions, study of antiquity, Soviet historiography, I. D. Amusin, M. N. Botvinnik, S. I. Kovalyov, G. A. Stratanovsky

Традиция организации неформальных встреч со студентами в Санкт-Петербургском университете существует длительное время. Ее основателем был еще Михаил Семенович Куторга: побывав на стажировке в германских землях и, особенно, участвуя в домашних семинариях Леопольда фон Ранке, он организовал нечто подобное у себя в университете. Нововведение способствовало появлению целой плеяды ученых-историков, причем не только антиковедов: в условиях отсутствия в учебных планах практических занятий такие неформальные встречи позволяли молодым людям овладевать азами исследовательской работы¹. В октябре 1935 г.² (на следующий же год после возрождения в СССР исторического образования) зав. кафедрой истории Древней Греции и Рима ЛГУ С. И. Ковалев возобновил практику проведения при кафедре кружков по античной истории, и сам руководил ими в качестве общественной нагрузки. На заседаниях делались вполне традиционные доклады на античные темы, которые затем обсуждались студентами и преподавателями. В дореволюционное время такие неформальные встречи с обучающимися, как правило, проводились на дому у профессора. На этих занятиях руководитель домашнего семинара раздавал приглашенным молодым людям темы в рамках определенной проблемы, часто являющейся предметом интереса самого профессора. Кружки при кафедрах в советских университетах, помимо студенческой молодежи, собирали довольно большое количество преподавателей самого структурного подразделения (по крайней мере, на ранних этапах), а соответственно, и тематически доклады были очень разнообразны. Представляемый доклад оценивался прежде всего с позиции соответствия методологии марксизма.

В январе 1938 г. были арестованы входившие в античный кружок студенты М. Н. Ботвинник, И. Д. Амусин, В. С. Коган, В. С. Ямпольский, а также аспирант Г. А. Стратановский. Все они оказались под следствием на основании показаний одного из «кружковцев» М. И. Гиллельсона, арестованного ранее (30 декабря 1937 г.) по так называемому «меньшевистскому делу». Он обвинялся в организации враждебной советской власти меньшевистской организации в Ленинграде, распространении контрреволюционных идей, критике политики ВКП(б) и системы выборов в Верховный совет.

В ночь на 10 июня 1938 г. по обвинению в участии в антисоветской меньшевистской организации и контрреволюционной деятельности арестовали руководителя кружка профессора С. И. Ковалева. Арест обозначил крутой поворот в его жизни, который, казалось бы, ничто не предвещало. В 1930-е годы он

¹ Skvortsov 2012, 17.

² Дата устанавливается по протоколу допроса С. И. Ковалева (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-19801. Т. 1. Л. 95).

являлся одним из организаторов и лидеров советской науки об античности: занимал пост директора Института истории древнего мира в ГАИМК (до января 1938 г.), заведующего кафедрой истории Древнего Рима в том же учреждении, с 1938 г. — научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР, параллельно возглавлял бригаду по написанию учебника по истории древнего мира, заведовал кафедрой истории Древней Греции и Рима в Ленинградском университете (с 1934 г.). Всего лишь за два месяца до ареста, в марте 1938 г., С. И. Ковалеву была присуждена степень доктора наук (по совокупности трудов), в его характеристике, представленной в ВАК по этому случаю, было отмечено: «Один из самых популярных и лучших лекторов на факультете. Ведет большую общественно-политическую работу, пропагандист. Участвует в различных комиссиях, читает массовые лекции. Тесно связан со студенчеством и пользуется большим авторитетом. Кафедра истории Древней Греции и Рима является одной из лучших на факультете благодаря четкому руководству»³.

Во второй половине 1938 г. по тому же обвинению, которое было предъявлено С. И. Ковалеву, были задержаны О. О. Крюгер, Н. Н. Залесский, Л. Л. Раков. По сути, был арестован цвет ленинградского антиковедения того времени.

В опубликованных источниках об этих событиях упоминается нечасто, вскользь и не всегда точно. Так, в воспоминаниях Я. С. Лурье аресту С. И. Ковалева уделено полстраницы, но мемуары грешат неточностями в деталях (неверно указана дата ареста: декабрь вместо июня 1938 г.), пристрастностью (известны напряженные отношения между С. И. Ковалевым и С. Я. Лурье) и несомненными преувеличениями (утверждение автора, будто находящийся под следствием историк назвал около сотни (!) имен своих мнимых поделщиков)⁴. Я. С. Лурье, кстати, не усматривает связи между арестами С. И. Ковалева и остальных — О. О. Крюгера, М. Н. Ботвинника и И. Д. Амусина, которые «шли по мифическому “меньшевистскому” делу»⁵.

Другой источник, где об аресте Ковалева говорится еще более кратко, — дневник А. Г. Манькова, в 1935—1940 гг. учившегося на историческом факультете ЛГУ. В нем сообщается о слухе, бытовавшем в конце 1930-х годов: С. И. Ковалев был арестован в связи с группой студента И. Амусина⁶.

Наконец, наиболее информативный источник — воспоминания непосредственного участника тех событий М. Н. Ботвинника. В них подробно рассказывается об аресте, о быте заключенных, о процедуре допроса. Там же, кстати, фигурирует неформальное название дела, по которому студенты были привлечены к уголовной ответственности, — «дело античного кружка»⁷. Мемуары его, однако, увидели свет уже в постсоветское время, в 1994 г., т.е. свыше полувека спустя и подверглись литературной обработке.

Таким образом, обрывочные сведения из опубликованных источников не позволяют составить целостную картину происходивших в конце 1930-х годов событий. При сравнении источников личного происхождения с делопроизводственной документацией становится ясно: авторы мемуаров, бывшие лишь наблюдателями событий, опирались в основном на слухи. Непосредственные же

³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 640. Л. 5.

⁴ Lurie 2004, 153—154.

⁵ Lurie 2004, 154.

⁶ Man'kov 1995, 170.

⁷ Botvinnik 1994.

участники (подследственные и арестованные) даже после оправдательных приговоров суда, как правило, избегали возвращаться к тяжелым воспоминаниям и тем более делиться ими и вообще информацией о случившемся с окружающими — в силу разных, но понятных современникам причин. Исключение составляют воспоминания М. Н. Ботвинника, но они написаны много позже описываемых в них событий.

Итак, чтобы восстановить картину событий, автор данной статьи обратился к архиву Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. В нем хранится делопроизводственная документация (следственные дела), с помощью которых довольно надежно восстанавливаются последовательность и содержание процедур, связанных с пребыванием человека под следствием: от момента задержания до вынесения приговора суда. Эта документация включает постановление об аресте (а значит, и его основание), документы об обыске, медицинском осмотре, характеристики с мест работы, протоколы допросов и очных ставок, собственноручные показания, обвинительные приговоры или постановления о прекращении дела. Все документы аккуратно датированы и подписаны их составителями.

Однако уже давно установлено, что многие дела эпохи сталинских репрессий были сфабрикованы, поэтому и протоколы следствия требуют критического к себе отношения. Отметим несколько их особенностей. Как правило, протоколы следствия имеются в двух экземплярах (машинописном и рукописном). Во время допроса следователь должен был подробно фиксировать весь диалог, после чего арестованный ставил свою подпись, означавшую согласие с изложенными показаниями. Подпись подследственного ставилась и на машинописном варианте, который оформлялся позже рукописного, но именно его использовали в судебном процессе. Однако не всегда в делах имеются оба экземпляра протокола допроса, и отсутствие первоначального документа может свидетельствовать о подлоге. Кроме того, обращает на себя внимание и соотношение продолжительности допроса по времени и объема протокола. Например, допрос С. И. Ковалева 21 ноября 1938 г. длился 14 часов, а в рукописном варианте уместился на 25 страницах, заполненных к тому же с большими межстрочными интервалами⁸. Еще один пример: очная ставка С. И. Ковалева и Я. М. Захера продолжалась 1 час 10 минут, однако, следователь исписал лишь три неполных листа⁹. Очевидно, что многое из происходившего в кабинете следователя не фиксировалось.

Подозрительно выглядит и резкая смена показаний. Так, в допросе от 21 ноября 1938 г. после признания С. И. Ковалева о существовании в ЛГУ меньшевистского подполья следователь задал вопрос об антисоветских организациях в других научных и учебных учреждениях. С. И. Ковалев утверждал, что ему не известно о таковых. На это следователь возразил: «Неверно. Вы же сами сказали, что Вознесенский дал Вам указание на участие в меньшевистских группах, существовавших в ряде научных и высших учебных заведениях». В следующем ответе С. И. Ковалев перечисляет 6 меньшевистских организаций: в Институте истории материальной культуры, Археографическом институте АН, Педагогическом институте им. А. И. Герцена и др¹⁰.

⁸ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 1. Л. 26–51.

⁹ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 4. Л. 252–254.

¹⁰ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 1. Л. 49.

Или, например, протокол допроса М. Н. Ботвинника от 16 января 1938 г.:

Следователь: Следствию известно, что вы являетесь участником контрреволюционной меньшевистской организации и связаны с перечисленными лицами... совместной антисоветской деятельностью.

Ботвинник М.Н.: Категорически отрицаю.

Следователь: Напрасно вы запираетесь, ряд участников вашей организации уже сознались на следствии в своей контрреволюционной деятельности и полностью изобличают вас в этом. Дайте правдивые показания.

Ботвинник М.Н.: Да, имели место обсуждения политики ВКП(б) и Советской власти с контрреволюционных позиций и одобрения буржуазно-демократического строя¹¹.

Воспоминания М. Н. Ботвинника позволяют нам представить происходившее в ходе допросов и не отразившееся в протоколах: избиения до потери сознания, издевательства, оскорбления с целью заставить свидетельствовать против себя и своего окружения¹². В жалобах, направленных арестованными или их родственниками в прокуратуру после отстранения Н. И. Ежова¹³, содержатся описания пыток, к которым прибегало следствие для получения нужных показаний. Брат И. Д. Амусина так описывает допрос последнего следователем Колодяжным: «На предъявленное Амусину И.Д. обвинение в том, что он, встретившись в коридоре с подошедшим к нему студентом, осужденным впоследствии Гиллельсоном в июле 1937 г., был завербован последним в контрреволюционную меньшевистскую организацию, Амусин ответил, что в июле 1937 г. он был в военных лагерях. Тогда Колодяжный заявил, что в таком случае это было в августе 1937 г. Амусин ответил, что и в августе он был там же. “Тогда в сентябре”, — заявил Колодяжный. Когда обвиняемый Амусин сказал, что в сентябре он был в г. Кисловодске, со стороны Колодяжного последовало грубое физическое насилие над Амусиным, в результате которого был подписан протокол допроса, составленный Колодяжным, с признанием себя виновным в вышеуказанном преступлении»¹⁴.

Итак, 30 декабря 1937 г. был произведен арест одного из членов античного кружка Максима Гиллельсона. Задержание обычно происходило ночью, подозреваемых зачастую выдергивали из постели заспанными, с мутным рассудком, по сути, в состоянии беспомощности. Первый допрос М. И. Гиллельсона состоялся в самом начале 1938 г. Перечень вопросов был, в общем, одинаков для всех. Сначала сотрудника НКВД интересовали имеющиеся ранее судимости самого арестованного или его родственников. Следователи о таковых, безусловно, знали, но на подозреваемого нужно было произвести психологическое воздействие и представить данное обстоятельство какотягчающее. Так, например, В. С. Коган призналась, что ее отец арестован в 1937 г. НКВД, или Г. А. Стратановский сообщил, что в 1920 г. был взят под стражу органами ЧК как участник контрреволюционной эсеровской организации¹⁵. После этого выяснялись возможные связи с заграницей, что также являлось отягчающим обстоятельством. Так, например,

¹¹ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-68479. Т. 1. Л. 133.

¹² Botvinnik 1994, 68–72.

¹³ Николай Иванович Ежов — нарком внутренних дел СССР в 1936–1938 гг.; арестован в апреле 1939 г., расстрелян в 1940 г.

¹⁴ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-68479. Т. 3. Л. 59.

¹⁵ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68479. Т. 1. Л. 39.

следователь подчеркнул красным цветом в протоколе, что у С. И. Ковалева брат и сестра уехали за границу (сестра — в Данию, брат также проживал за границей, но умер в 1932 г.)¹⁶; у Г. А. Стратановского брат жены проживал в Германии¹⁷.

Далее устанавливался круг общения арестованного: следователь требовал перечислить всех знакомых, друзей и родственников. После соответствующего вопроса М. И. Гиллельсон и назвал членов античного кружка, обучающихся в ЛГУ¹⁸. Заметим, что череда арестов студентов ЛГУ в 1938 г., запомнившаяся современникам как «дело античного кружка», не связана с пристальным наблюдением властей именно за историками, изучавшими классическую древность, или же негативным отношением к этой отрасли знания. Дело в том, что М. И. Гиллельсон не случайно был арестован первым. По версии следствия, будучи посланным в Уфу за контрреволюционную деятельность в начале 1930-х годов, он якобы получил там указания от В. О. Цедербаума-Левицкого, брата Ю. О. Мартова, о ведении контрреволюционной деятельности в Ленинграде и создании соответствующей организации. Другими словами, М. И. Гиллельсон, по мнению сотрудников НКВД, являлся организатором подпольной меньшевистской группировки в Ленинграде и проводил вербовку среди студентов. И если бы он состоял в другом кружке, то последствия для его участников были аналогичными.

Затем в утвердительной форме следователь заявлял, что ему известно о контрреволюционной деятельности обвиняемого. Как правило, последний утверждал обратное, на чем и заканчивался первый допрос.

Между первым и вторым допросом проходило около двух недель. Подозреваемого помещали в камеру, где, существуя в нечеловеческих, унижающих достоинство личности условиях, слыша стоны от боли, видя избитых до полусмерти соседей и постоянно думая о случившемся, он должен был «осознать» свою вину. М. Н. Ботвинник в деталях вспоминает первую ночь в камере № 25, до отказа заполненной людьми, в основном представителями технической и гуманитарной интеллигенции (250 человек на 50 квадратных метров), как он мучился, задыхался и в итоге то ли провалился в сон, то ли потерял сознание¹⁹.

Следующий допрос, как правило, заканчивался признательными показаниями. Зачастую их добивались с помощью пыток и психологического давления. Показательны слова следователя, сказанные в самом начале допроса С. И. Ковалева 21 ноября 1938 г.: «Вы достаточно изобличены и лишены возможности избежать ответственности перед правосудием. Предлагаю саморазоружиться»²⁰. Выше уже обращалось внимание на довольно резкий переход в протоколах от отрицания обвинений к сообщению «нужной» следствию информации. С. И. Ковалев в жалобе на действия сотрудника НКВД Колодяжного утверждал, что «взял на себя несуществующее преступление» после пытки «циркулем»²¹, М. Н. Ботвинник — после выдергивания прядей волос²², И. Д. Амосин — после физического насилия²³.

¹⁶ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 1. Л. 25.

¹⁷ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68479. Т. 1. Л. 39.

¹⁸ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68479. Т. 3. Л. 136.

¹⁹ Botvinnik 1994, 68.

²⁰ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68479. Т. 1. Л. 26.

²¹ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68479. Т. 3. Л. 69.

²² Botvinnik 1994, 73.

²³ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68479. Т. 3. Л. 59.

Какую же вину они брали на себя? Истории, которые придумывались следователями, имели поистине фантастический характер, порой противоречили логике и здравому смыслу (выдавая спешку в фабрикации дел), но последнее не бралось в расчет органами НКВД. Главное — сам факт признания и «разоблачения» как можно большего круга лиц.

Так, например, Г. А. Стратановский сознался в своем давнем враждебном отношении к существующему строю в СССР. Аспирант утверждал, что после знакомства с М. И. Гиллельсоном неоднократно приглашал его к себе на квартиру, где они оба высказывали недовольство политикой ВКП(б), критиковали выборы в Верховный совет, называли их «назначенчеством». Сам же М. И. Гиллельсон якобы был знаком с руководителями меньшевистского подполья. Определенно не заслуживают доверия воспроизводимые дословно рассуждения фигурантов дела. Г. А. Стратановский приводит пример из беседы августа 1937 г.: «Ни в одном государстве так не свирепствуют репрессии и гонения на народ, как в Советском союзе» (якобы слова М. И. Гиллельсона); «Политика ВКП(б) и Советской власти не отражает интересов широких масс, в стране отсутствуют демократические свободы, безмерно притесняется личность человека» (якобы слова М. Н. Ботвинника)²⁴. Подозреваемые внезапно «вспоминали» даты своей вербовки в контрреволюционную организацию и даже называли время. Парадоксальными выглядят показания С. И. Ковалева: он говорил, что завербован С. В. Вознесенским осенью 1933 г., но не помнит конкретной даты, но зато в памяти осталось время — 3 часа дня, и далее дословно воспроизвел речь С. В. Вознесенского с предложением вступить в ряды подполья²⁵.

М. Н. Ботвинник на втором и последующих допросах признался в причастности к контрреволюционной деятельности, утверждал, что во время прогулок после университетских занятий имел неоднократные разговоры об отсутствии демократии в СССР и преимуществах буржуазно-демократического строя Запада²⁶.

От подследственных требовалось указать дату, время, место и обстоятельства вербовки их в антисоветские организации. Все это приходилось выдумывать. Но именно с помощью опровержения этих «конкретных», но не достоверных, иногда просто нелепых фактов, сообщенных на допросах арестованными, им самим можно было позже попытаться рассыпать обвинения. В этом смысле интересен спор на очной ставке М. И. Гиллельсона и М. Н. Ботвинника 6 марта 1938 г. Первый утверждал, что завербовал своего товарища по факультету осенью 1936 г., второй же указывал на осень 1937 г.²⁷ Данное расхождение в показаниях станет понятным, если обратиться к документам, которые мать Ботвинника (она была адвокатом) отправила Верховному прокурору СССР А. Я. Вышинскому: справки из больницы и из университета доказывают, что в августе 1937 г. М. Н. Ботвинник лежал с аппендицитом, а в сентябре 1937 г. соблюдал постельный режим, поэтому не являлся на учебу²⁸. Вероятно, М. Н. Ботвинник таким образом планировал опровергнуть доказательную базу обвинения против него.

Параллельно с арестами студентов в Ленинграде происходят задержания преподавателей. По сути предъявленных обвинений их дело сходно со

²⁴ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68479. Т. 1. Л. 43.

²⁵ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 1. Л. 33.

²⁶ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68479. Т. 1. Л. 134–135, 136.

²⁷ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68479. Т. 1. Л. 139–140.

²⁸ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68479. Т. 3. Л. 5, 18, 19, 20.

студенческим, но было оформлено в отдельное. В начале февраля 1938 г. под стражей оказались профессор ЛГУ, историк-славист С. В. Вознесенский; научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР, исследователь истории революционного движения в России М. С. Балабанов; профессор истории Института инженеров водного транспорта, специалист по русской истории XVIII в. М. Н. Мартынов; преподаватель Ленинградского Педагогического института им. М. Н. Покровского, философ и социолог Н. Н. Андреев; сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР, специалист по истории российской и западноевропейской мысли XIX в. А. Н. Шебунин; профессор ЛГУ, историк-медиевист А. М. Розенберг и др. Все вышеперечисленные принадлежали по роду деятельности к гуманитариям (юристы, историки, филологи). Они обвинялись в участии в контрреволюционной меньшевистской организации, связях с находящимися за границей меньшевиками, вредительской деятельности и планировании террористических актов²⁹. Эти действия подпадали под 58-ю статью УК РСФСР, по которой устанавливалась ответственность за контрреволюционную деятельность.

Вскоре внимание Управления НКВД Ленинграда привлек С. И. Ковалев. Вероятно, один из арестованных коллег (скорее всего С. В. Вознесенский) упомянул его фамилию на допросе в связи с требованием следователя обозначить круг общения. Последовал запрос в ЛГУ о предоставлении характеристики на профессора Ковалева, каковая была получена и находится в следственном деле. Документ этот, правда, не имеет даты, однако само его наличие в начале дела, а также заявление одного из авторов о подаче им еще до собственно ареста С. И. Ковалева «разоблачающих» его данных в НКВД³⁰, позволяет предполагать, что упомянутая характеристика сыграла свою роль в развитии дела.

Характеристика³¹ заслуживает того, чтобы сказать о ней особо. Она подписана деканом исторического факультета ЛГУ А. Л. Фрайманом, секретарем парткома Погорельским и С. Л. Утченко, тогда аспирантом кафедры истории Древней Греции и Рима. Поскольку критический разбор трудов С. И. Ковалева мог сделать только профессиональный антиковед (ни Погорельский, ни Фрайман отношения к древней истории не имели), не вызывает сомнений, что в значительной степени она написана именно С. Л. Утченко, хотя сама ее направленность вряд ли могла определяться аспирантом. Последний в 1930-е годы только начинал свою научную карьеру. Его путь в профессию выглядит довольно необычным. Проучившись два года в Ленинградском химико-технологическом институте (1930–1932), а затем два года на химическом факультете ЛГУ (1932–1934), он оказался на четвертом курсе (сдав экстерном экзамены за три курса) вновь открытого исторического факультета ЛГУ. Уже через год, в 1935 г., он поступает в аспирантуру, где также экстерном ликвидирует «академические задолженности»³². Столь быстрому вхождению в историческую науку, по нашему мнению, могло способствовать его членство в ВКП(б) с 1931 г. и, соответственно, партийная работа в ЛГУ.

Все обвинения в адрес С. И. Ковалева в характеристике можно свести к нескольким тезисам: «извращение основ марксизма», пропаганда террора как

²⁹ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 1. Л. 7.

³⁰ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 4. Л. 116 (показания С. Л. Утченко).

³¹ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 1. Л. 22–24.

³² Pavlovskaya 2008, 5–6.

метода борьбы с существующим режимом, «групповщина» на кафедре. В небольшом по объему (три листа) документе разбор трудов «разоблачаемого» проведен поверхностно, в основном, путем выдергивания отдельных фраз из контекста. Так, например, его положительное отношение к террору доказывается строчкой из учебника 1936 г. «История античного общества» («Кровавый террористический режим являлся исторической необходимостью»)³³. Для обоснования тезиса об «извращении основ марксизма» используется его «Курс всеобщей истории» (1925). Разумеется, в 1938 г., когда в советской науке уже утвердилась четкая периодизация общественно-экономического развития, любой труд историка 1920-х годов можно было назвать противоречащим установкам марксистской историографии. (Напомним, что С. И. Ковалев тогда, при написании своего первого учебника придерживался циклического взгляда на развитие общества.) Используются также труды «разоблачаемого» начала 1930-х годов, в которых автор, якобы исходя из идей Л. Д. Троцкого о «пропасти» между пролетариатом и крестьянством, строит изложение о взаимоотношении рабов и свободного крестьянства. Искажениями также названы рассмотрение солдатских бунтов III в. как революции, представление императора Максимиана как революционера³⁴.

Обвинения С. И. Ковалева в «социологизаторстве» строятся на количественных показателях: ему ставится в вину недостаточная освещенность этрусского вопроса в учебнике 1936 г.; недоумение у авторов характеристики вызывает то, что лишь три страницы посвящены сравнению древневосточного и античного путей развития и всего на 73 страницах дается изложение Римской империи³⁵.

Типично для стандартного набора обвинений 1930-х годов указание на то, что речь идет о некоей группе, сформировавшейся вокруг С. И. Ковалева школы, к которой относились Н. Н. Залесский, Л. Л. Раков, К. М. Колобова. «Вредительской деятельностью» и «семейственностью» названо приглашение этих ученых на кафедру. В показаниях от 3 февраля 1939 г. С. Л. Утченко конкретизировал эти претензии: Л. Л. Раков никогда не интересовался историей, а только военным искусством (т.е. его нельзя назвать историком в полном смысле слова), Н. Н. Залесский не пользовался авторитетом у студенчества и отличался низким уровнем преподавания антиковедческих дисциплин, а К. М. Колобова — просто ярая сторонница заведующего кафедрой в научной и преподавательской деятельности³⁶.

Характеристика изобилует критикой, но в основном лишь идей, подходов и трактовок проблем античной истории. Очевидно стремление авторов наполнить текст обвинениями в первую очередь *в научной области*. В итоге документ больше походит на научную рецензию, чем на характеристику подследственного. На пассажи об этрусках или Римской империи следователи вряд ли вообще обратили внимание — как на не содержащие состава преступления. А политических обвинений в адрес коллеги, за которые могли расстрелять, авторы рассматриваемого документа старательно избегали. Вместе с тем, всем было понятно, что если пришел запрос от органов НКВД на конкретного человека, то арест подследственного и предъявление обвинений — дело времени. Такими были реалии советской жизни конца 1930-х годов. Характеристика a priori

³³ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 1. Л. 23.

³⁴ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 1. Л. 22.

³⁵ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 1. Л. 22.

³⁶ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 4. Л. 116.

не предполагала положительных выводов и заключений. В противном случае могли последовать обвинения в адрес ее составителей. Все подписавшиеся вынужденно приняли эти неписанные правила, но, как видно, концентрировались прежде всего на недостатках изданной С. И. Ковалевым научной и учебной литературы. Перенос внимания в исследовательскую плоскость, возможно, позволил бы избежать тюремного заключения и тем более расстрела и ограничиться более мягкой формой наказания. Обвинение в пропаганде террора, которое базируется лишь на одной строке, выглядит малоубедительным и довольно легко рассыпается при внимательном прочтении того же учебника. Фраза «Кровавый террористический режим являлся исторической необходимостью» фигурирует у С. И. Ковалева в контексте рассказа о методах борьбы за власть преемников Октавиана Августа и изменениях политической системы Рима в I в. до н.э. Между тем чуть раньше, в этом же абзаце можно найти такие слова: «Действительно, кровавый режим личного террора губительно действовал на самих носителей его, превращая их в психопатов, одержимых манией преследования»³⁷.

Показательная деталь. 29 января 1939 г. был проведен допрос Е. А. Миллиор, доцента Педагогического института г. Ижевска. Придерживаясь той же тактики обвинения (а по сути защиты), что и автор(ы) характеристики, она свидетельствовала лишь о грубых методологических ошибках подозреваемого: таковы трактовка им критского общества как доклассового, что искажает марксистское понимание родового общества (вопрос для того времени дискуссионный, поэтому вряд ли может считаться аргументом при обосновании социологизаторского метода) или объяснение возникновения монархии вследствие подавления революции рабов³⁸.

Все сказанное было принято во внимание при формулировании обвинения. Сам С. И. Ковалев, вероятно, понимая невозможность избежать обвинительного приговора, старался максимально уменьшить возможный срок тюремного заключения. Протоколы допросов подробно фиксируют его показания о «вредительской» работе на кафедре и среди студенчества, культивировании антимарксистских взглядов. Он признавался в том, что «социологически обрабатывал» высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина, популяризировал взгляды «буржуазного ученого» М. И. Ростовцева, отстаивая тезис о губительном влиянии рабской революции на античную культуру, «подобно большевистской революции, которая погубила русскую культуру»³⁹. При этом он практически ничего не говорит о деятельности по смене существующего в СССР политического режима и всячески отрицает свое участие в подготовке террористических акций. И в такой линии защиты ему в какой-то мере могла помочь характеристика из Ленинградского университета, в которой политические обвинения отсутствовали.

Обобщая, С. И. Ковалев в своих показаниях утверждал, что целью его деятельности в университете являлась идейная подготовка единомышленников к краху диктатуры пролетариата. Именно к этому он попытался свести обвинения. Для создания правдоподобной картины далее этот тезис наполняется конкретным содержанием: якобы для пропаганды своих идей С. И. Ковалев и ввел практику кружков при кафедре и использовал неформальное общение со

³⁷ Kovalyev 1936, 234.

³⁸ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 4. Л. 122–123.

³⁹ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 1. Л. 90.

студентами для привлечения в меньшевистский стан новых единомышленников. Студенческий кружок по античности был создан для усиления вредительской деятельности, пропаганды взглядов и вербовки новых членов в контрреволюционную группу. Таковым же, по его словам, был и кружок по военной истории, возглавляемый Л. Л. Раковым: его организовали для того, чтобы «доказать идеологическую и техническую слабость Красной армии», тем самым навязать молодежи пораженческие настроения⁴⁰. Парадоксальным выглядит обоснование необходимости этих занятий. Как известно, такого рода кружки служат для углубленного изучения различных аспектов науки, однако С. И. Ковалев утверждал, что истинная цель работы со студенчеством — подготовка «верхоглядов», т.е. выработка у обучающихся упрощенного взгляда на исторические источники. Эти показания явно противоречат дальнейшим словам, когда арестованный профессор заявляет, что на кружках практиковался метод академизма, «который состоял в отрыве от актуальных задач и сосредоточивании на исследовательских работах» — в этом отношении древняя история, по его словам, как нельзя кстати подходила⁴¹. (Получалось, что занятия античностью сами по себе могли служить отягчающим обстоятельством: на допросе М. Н. Ботвинника следователь заявлял, что тот, кто изучает древность, не приемлет современность, т.е. настроен антисоветски⁴².) Подобные нестыковки и нарушения логики в протоколах допросов С. И. Ковалева и других могут свидетельствовать о том, что некоторые показания, якобы данные задержанным, были продиктованы самим следователем, который, торопясь передать дело в суд, не позаботился об устранении противоречий.

От С. И. Ковалева требовалось также сообщить круг его «сообщников», и он называет имена преподавателей кафедры истории Древней Греции и Рима, которые якобы вели саботажную деятельность: Г. А. Стратановский, к примеру, развалил работу кабинета древнего мира (не комплектовал кабинет новыми книгами, делал исторические карты с многочисленными ошибками) и очень скучно преподавал древние языки, С. Я. Лурье «проводил антимарксистскую методологию», Н. Н. Залесский был «злостным академистом», так как чурался актуальных тем⁴³. Обвинения выходили отнюдь не такие жесткие, как надеялся получить следователь. И снова здесь просматривается выбранная тактика защиты.

Обвиняемых преподавателей и студентов спасла смена главы НКВД. В 1939 г. Н. И. Ежов был арестован, НКВД возглавил Л. П. Берия. Многие из заключенных стали подавать жалобы в прокуратуру, разоблачая преступную деятельность следователей и отказываясь от своих признательных показаний. С. И. Ковалев написал прокурору, что «настаивал на ложных фактах из-за боязни репрессий со стороны следственного аппарата НКВД... Нужно понять психологию человека, которого летом 1938 г. пытали (как же иначе можно назвать “циркуль”, после которого я был в полуобморочном состоянии?), который жил полгода в состоянии страха и нервного напряжения. Переменил 6 камер за 9 месяцев... видел людей с прорванными барабанными перепонками и отбитыми

⁴⁰ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 1. Л.92.

⁴¹ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 3. Л. 16.

⁴² Botvinnik 1994, 67.

⁴³ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 3. Л. 17, 28—30.

почками. Я решил во что бы то ни стало сохранить здоровье. Пусть осуждение на 5—10 лет концлагеря, но зато я не буду инвалидом»⁴⁴.

Как только представилась возможность отказаться от ряда абсурдных и навязанных обвинений в отношении себя и коллег, С. И. Ковалев сразу же это сделал, заявив, что признательные показания вынужден был дать после пятичасовой пытки, примененной следователем Колодяжным. Под угрозой пыток и избиений профессор оклеветал ряд преподавателей и студентов Ленинградского университета. В письме военному прокурору С. И. Ковалев положительно характеризует участников античного кружка, называя их сильными и перспективными студентами. Отказывается он и от своих показаний в отношении Л. Л. Ракова, Н. Н. Залесского и О. О. Крюгера⁴⁵. Интересно заметить, что от показаний в отношении С. Я. Лурье автор жалобы не отказался, как и в отношении вредительства в деле написания учебника. Незадолго до ареста С. И. Ковалеву поручили в ЛОИИ АН СССР руководить бригадой по написанию учебника. Но эта работа сильно затянулась, поэтому ему нужно было отвести от себя обвинения во вредительстве. С. И. Ковалев объяснял несоблюдение сроков трудностью коммуникации между авторами, проживающими в разных городах, «ужасным стилем» и малой квалификацией А. В. Мишулина, неподходящим стилем для учебных пособий В. В. Струве, различными бюрократическими проволочками и постоянными сменами рецензентов, каждый из которых добавлял свои замечания. В итоге вина возлагается на Наркомпрос и лично наркома А. С. Бубнова (к тому времени репрессированного)⁴⁶.

Студентов освободили из-под стражи 29 ноября 1939 г., тем самым отменив постановление суда о пяти годах исправительно-трудовых лагерей. Все были полностью реабилитированы и вернулись к учебе⁴⁷. Правда, некоторые стали инвалидами. М. Н. Ботвинник в 1940 г. поступил в аспирантуру ЛОИИ АН СССР к С. Я. Лурье, М. И. Гиллельсон стал крупным ученым-филологом, Г. А. Стратановский в 1941 г. на историческом факультете ЛГУ защитил кандидатскую диссертацию «*Res gestae Augusti* (жанр и идеология, эллинистические влияния, харизматика)». И. Д. Амосин окончил университет в 1941 г., а в 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Послание императора Клавдия к alexсандрийцам (41 г.н.э.) как источник для социально-политической истории I в.н.э.».

С. И. Ковалев был освобожден из-под стражи 24 января 1940 г.⁴⁸, после чего вернулся к своим обязанностям в Академии наук. После того, как от своих показаний отказались С. В. Вознесенский, А. М. Розенберг, Н. Н. Андреев, Г. А. Стратановский и др., обвинение стало рассыпаться. Следователям так и не удалось доказать участие С. И. Ковалева в подготовке террористических акций⁴⁹. В постановлении о прекращении дела говорится: «Ковалев действительно в своих трудах допустил ряд ошибок, но квалифицировать их как умышленное вредительство нельзя. Учебниками пользуются высшие школы Ленинграда и из обращения они не изъяты. Собранные характеристики и отзывы

⁴⁴ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 3. Л. 72.

⁴⁵ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68479. Т. 3. Л. 69—74.

⁴⁶ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 3. Л. 42.

⁴⁷ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-68479. Т. 1. Л. 168.

⁴⁸ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 6. Л. 222.

⁴⁹ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 6. Л. 438, 541.

о практической деятельности говорят о хорошей работе, активном участии в общественной жизни, борьбе с извращениями марксизма в истории»⁵⁰.

С. И. Ковалеву некоторое время пришлось восстанавливать свой авторитет в академических кругах. Для понимания ситуации сравним два заседания сектора истории древнего мира ЛОИИ АН СССР — незадолго до ареста и сразу после освобождения. На заседании 21 апреля 1938 г. (за пару месяцев до ареста) присутствовали среди прочих такие мэтры, как В. В. Струве, С. Я. Лурье, А. И. Тюменев. С. И. Ковалев сделал доклад на тему «Император Максимин и кризис III в.»⁵¹. Сам доклад не сохранился, но имеется протокол заседания, где кратко охарактеризована позиция автора. Так, было отмечено, что выступавший не ставил целью детальный разбор источников по обозначенной проблеме, а изложил именно концепцию кризиса III в. в Римской империи и отметил, что в случае, если она будет «признана правильной», то этот «предварительный доклад... будет развит в обширную монографию с исчерпывающим привлечением источников и литературы вопроса»⁵². Довольно характерно для лексикона 1930-х годов употребление словосочетания «правильная концепция». Правильность определяется признанием идеи коллективом. С другой стороны, автор явно идет «от общего к частному», от концепции к подбору источников, которые должны ее подтвердить. В соответствии с господствовавшей в историографии теорией революции рабов, кризис III в. рассматривался С. И. Ковалевым как социальная революция. О реакции на доклад участников заседания дают представление слова В. В. Струве: «Анализа источников не было дано. Но основная мысль *верна* (курсив наш. — А. С.) и совпадает с высказываниями классиков марксизма, ее надо усугубить, развить и обосновать с помощью анализа источников»⁵³. В своем ответе докладчик снова ссылается на высказывание И. В. Сталина о революции рабов, на чем прения закончились.

После выхода С. И. Ковалева из тюрьмы 25 января 1940 г. ситуация заметно изменилась. Ему удалось восстановиться в должности профессора кафедры истории Древней Греции и Рима ЛГУ и научным сотрудником (хотя и не на полную ставку) сектора истории древнего мира ЛОИИ АН СССР. Но на С. И. Ковалева уже не смотрели как на непререкаемый авторитет, с ним не соглашались, спорили, опровергали его.

27 февраля 1941 г. состоялось обсуждение плана работы С. И. Ковалева над монографией «Кризис III в. в Римской империи». В прениях выступили Д. П. Каллистов и С. А. Жебелёв. Они заявили, что обозначенная тема неподъемная и сложна для исполнения, посоветовали начать с написания ряда критических работ, исследовать частные вопросы, только затем следует приступать к обобщению. Уже не ссылаясь на высказывания И. В. Сталина, С. И. Ковалев согласился с замечаниями и предложил внести в свой план работы на 1941 г. ряд частных очерков о таком источнике, как «История Августов»⁵⁴.

Безусловно, поступки людей в условиях репрессий конца 1930-х годов человеку начала XXI века оценить непросто. Многие арестованные были вынуждены «разоблачать» себя, оговаривать коллег и друзей, опасаясь за собственную

⁵⁰ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-19801. Т. 6. Л. 224.

⁵¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1563. Л. 47–48.

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1563. Л. 48.

⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1563. Л. 48 об.

⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1655. Л. 59.

жизнь. Коллеги и друзья арестованных пытались смягчить, насколько это было возможно в тех условиях, ситуацию, критикуя задержанных за то, что невозможно было приобщить к делу и выдвинуть в качестве обвинения в суде. Абстрактные обвинения становились фактически элементами защиты задержанных. Важно отметить еще и такую особенность функционирования машины репрессий: заставляя подписывать сфабрикованные признательные показания, следователи сами разоблачали недостатки сталинского режима и советской политической системы: назначенчество, приспособление науки к нуждам политики ВКП(б), искажение исторического прошлого, бюрократизм и т.д. Конечно, признательные показания конца 1930-х годов в основном не соответствуют действительности, но все же содержат ряд аспектов, заслуживающих внимания историков науки. Так, выявляются причины торможения в деле издания учебника по древней истории — эти сведения могут быть использованы при изучении историографии 1930-х годов. Или другой пример: С. И. Ковалев до конца 1930-х годов постоянно делал акцент в автобиографиях на том, что он происходил из крестьянской семьи. И лишь в начале 1940-х годов появилась запись: «отец — личный дворянин». Иван Константинович, его отец, действительно происходил из крестьян Астраханской губернии, но благодаря военной службе, куда он поступил вольноопределяющимся, ему удалось стать подпоручиком, что обеспечивало личное дворянство. В 1920–1930-е годы Сергей Иванович умалчивал об этом факте. Впервые он не стал скрывать сословную принадлежность своего отца в 1941 г., т.е. после освобождения из тюрьмы.

Литература / References

- Botvinnik, M.N. 1994: [Cell 25]. In: *Uroki gneva i lyubvi: Sbornik vospominaniy o godah repressiy (1918 god — 80-e gody)*. Vyp. 7. [The lessons in Anger and Love: a compilation of memoirs of the years of repressions (1918–1980es). Issue. 7], 67–74.
- Ботвинник, М. С. Камера № 25. В сб.: *Уроки гнева и любви: Сборник воспоминаний о годах репрессий (1918 год — 80-е годы)*. Вып. 7, 67–74.
- Ivanova, G.M. 2006: *Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politico-pravovoi aspekty* [The history of GULAG, 1918–1958: social, economic, political and legal aspects]. Moscow.
- Иванова, Г. М. *История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты*. М.
- Kovalyev, S.I. 1936: *Istoriya antichnogo obshchestva. Ellinizm. Rim* [The history of Ancient Society. Hellenism. Rome]. Leningrad.
- Ковалев, С. И. *История античного общества. Эллинизм. Рим*. Л.
- Lurie, Ya.S. 2004: *Istoriya odnoy zhizni* [History of one life]. St. Petersburg
- Лурье, Я. С. *История одной жизни*. СПб.
- Man'kov, A.G. 1995: [Excerpts from a diary 1938–1941]. *Zvezda* [Star] 11, 167–199.
- Маньков, А. Г. Из дневника 1938–1941 гг. *Звезда* 11, 167–199.
- Pavlovskaya, A.I. 1998: [Sergey Lvovich Utchenko — scientist, writer, human (published on the 100th birthday)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 5–15.
- Павловская, А. И. Сергей Львович Утченко — ученый, писатель, человек (К 100-летию со дня рождения). *ВДИ* 4, 5–15.
- Skvortsov, A.M. 2012: *Nauchnaya shkola v otechestvennom antokovedenii: M. S. Kutorga i ego ucheniki* [Russian scholarly traditions of the study of antiquity: M. S. Kutorga and his disciples]. Dissertation abstract. Moscow.
- Скворцов, А. М. *Научная школа в отечественном антиковедении: М. С. Куторга и его ученики: автореферат дисс. ... канд. ист. наук*. М.